

В 1919 ГОДУ знакомый актер привел меня во вновь организованный одесский театр, состоявший в основном из молодежи. Театру дали небольшое помещение в глубине двора на Ланжеронской улице, и вскоре мы обрели «хозяйина» — управление губернской милиции. Она взяла нас под свое покровительство, мы все считались военнослужащими. Я был самым молодым по возрасту и стажу. Репертуар был главным образом классический: Горький, Чехов, Островский. Работали много и дружно. Народ был интересный, в нем выделялись люди просто талантливые.

В 1920 году почти все мы решили во вновь созданный большой театральный коллектив. Для него было использовано фойе в сгоревшем театре Сибирякова на Херсонской улице. Над зрительным залом провалилась крыша, ложи висели. Лунной ночью откроешь дверь из фойе: луна, звезды, и все разрушения приобретали величественный вид древних развалин. А вокруг этого разрушения сохранились фойе; вот в одном из них и был устроен театр: сцена, кулисы, помещения для артистов.

Однажды наш режиссер Вл. Вас. Тезаврогский принес в театр комедию Бернарда Шоу «Шоколадный солдатик». К моему крайнему удивлению и смущению мне дали центральную роль молодого офицера Сергея Саранова. По старой театральной терминологии это была роль героя-любownika. Я таких ролей не играл. Любил характерные и возрастные. Но Тезаврогский настоял, я его очень любил, верил ему, пришлось согласиться. Офицер, влюбленный в девушку Райну; пыльные объяснения, страдания!.. Не получалось у меня это!

Подшло время репетировать в костюмах. Надели на меня мундир, нацепили палаш. Долго с ним не управлялся: он болтался, бил по коленям, мешал ходить. На спектакле я из-за него чуть не грохнулся, в публике послышался смехок. Роль провалил начисто. Возненавидел я этого Саранова, как личного врага!

Но чего не бывает в актерской жизни! Спустя много лет судьба вновь столкнула меня с Сергеем Сарановым. И в какой-то мере благодаря ему я стал певцом...

Для всех, кто сражался в те времена за новую жизнь не

с винтовкой в руках, а пером, словом, песней, — для всех путеводной звездой сияла Москва — центр новой культуры, новых идей и свершений. Тянулся туда и я. И вот 13 января 1922 года, после недельного путешествия в теплушке, я вышел на Брянском вокзале в столице. Так как основным героем этих воспоминаний должен быть Сергей Саранов, позволю себе пропустить десятка полтора лет моей жизни в Москве, вплоть до второй встречи с Сарановым.

В начале тридцатых годов я начал серьезно заниматься пением и, наконец, после четырехлетней упорной работы, зашел тенором.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Сегодня под этой рубрикой мы печатаем отрывок из воспоминаний актера и эстрадного певца Аркадия ПОГОДИНА.

«ШОКОЛАДНЫЙ СОЛДАТИК»

Это обстоятельство меня поразило и испугало. Как петь на публике? Привык за восемнадцать лет действовать в спектаклях, говорить и общаться с партнерами. Предстояла большая перестройка.

У меня был знакомый артист эстрады, отличный танцовщик, по фамилии Арнольд. Это был мягкий в обращении, благожелательный человек. Однажды мы встретились с ним на улице.

— Привет, Аркадий, — сказал он весело. — Говорят, ты зашел тенором?

— Верно, — не без грусти промямлил я.

— Так ты же открыл золотую жилу! — Арнольд был полон энтузиазма. — Хороший актер, да еще певец, к тому же тенор!

— Слова, мой друг. — махнул я рукой. — какая там золотая жила! Никто меня петь не зовет. Все говорят по-прежнему: «Сыграйте-ка нам, Погодин, скетч с Мироным, смешно это у вас получается!».

— Постой! Ты же меня знаешь, я человек дела. Приходи завтра в Летний театр ЦДКА часам к двенадцати, там и поговорим.

В двенадцать я был на месте.

Не теряя времени, Арнольд сказал:

— Мы должны поставить за три недели к открытию летнего сезона оперетту братьев Покрасс «Шоколадный солдатик».

— Оперетту? Это, конечно, не Бернарда Шоу «Шоколадный солдатик»?

— Именно он. Все исполнители есть, даже на ту роль, что я хочу предложить тебе.

— Какую же? — осторожно спросил я.

— Сергея Саранова.

— Что?!..

— Такого красивого офицера, влюбленного в девушку Райну, — засмеялся Арнольд. — Оперетта

мне палаш, луна, снизу подается Цфасман с оркестром... вступление к танго — все, как было задумано Арнольдом, — и я начал петь свою партию.

Меня хвалили, товарищи по театру приходили меня слушать, Лев Миров, Борис Тенин молча стояли за кулисами, потом разражались репликами.

Тенин: А я-то думал, на черта он так много пищит, хороший актер, еще останется без голоса.

Милов: Да, перешеголяли вы нас всех. Теперь вы кум королю А «кум королю» пропел двадцать пять вечеров в непросыхающем от спектакля к спектаклю мундире — так «просто» давалось ему это пение...

ПРИШЛА осень, все закончилось. Итак, я уже певец. Спасибо тебе, милый Сергей Саранов!

Но петь меня тем не менее нигде не звали.

И вдруг телефонный звонок Цфасмана: «Хочу сделать вам предложение. Нам в оркестр нужен певец. Мы играем в кинотеатре «Художественный» три раза в вечер.

Начался гамлетовский монолог: быть или не быть — петь или не петь? Конечно, петь — так резюмировались в конце недели все соображения, все «за» и «против».

Первое: никто, кроме Цфасмана, петь пока не зовет, Александр Наумович Цфасман — первокласснейший пианист, с великолепной школой, строгий и взыскательный музыкант. Оркестр его играл в классической джазовой манере. Окончательно повлиало и то обстоятельство, что Цфасман позволил мне в конце недели и звонком сообщил: его пригласит радиокомитет играть по субботам и воскресеньям после 12 ночи танцевальную музыку.

— Будет весьма кстати, если вы согласитесь. Неделю с нами порепетируете, и в следующую субботу сыграем и эпосом.

На следующее утро, после ночного выступления звонили знакомые, друзья и незнакомые люди с поздравлениями, впечатлениями, и наконец раздался вполне деловой звонок из студии грамзаписи с предложением записаться у них на пластинку. А дальше дружина стала раскручиваться все быстрее. Все встало на место.

Так, благодаря пьесе Бернарда Шоу я стал эстрадным певцом.

пойдет под джаз-оркестр Александра Цфасмана. Он в черном, блестящем плаще с палашом.

— Кто с палашом? Цфасман?

— Ты! Ты! Сергей Саранов. Стоишь на авансцене, — увлекаюсь, продолжал Арнольд, — в плаще, с палашом...

Мне стало весело. И хоть был в полной растерянности от этого эксцентрического преобразования комедии Шоу в оперетту, немедленно согласился. На прощание Арнольд, вручая мне роль, сказал: — Завтра придет Митя Покрасс, познакомит тебя с музыкой, И начнем репетировать. Партию твою тебе тоже дадут.

Вот уже в мою жизнь вошло новое, пугающее слово «партия». Это ведь не то, что «роль».

Что это все сулит мне? Одолею я на этот раз Сергея Саранова?

ВОТ уже все позади: репетиции, знакомство с оркестром. Всех актеров я знал: Марию Миронову, Ивана Бургова, Бориса Бельского и мою Райну — Людмилу Глазкову.

Настал вечер спектакля. Вот и мое появление. Черный, блестящий плащ, знаменитый, памятный